

Е. Г. Водичев

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И СОВЕТСКИЙ ЭГАЛИТАРИЗМ:
ИДЕИ И ИДЕАЛЫ ОТ СТАЛИНА ДО ХРУЩЕВА***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71

УДК 94(470)“19”:338

ББК 63.3(2)6+65.03(2)6

Проблема экономического неравенства имеет большое значение для понимания причин социально-экономических и политических коллизий. Вместе с тем использование традиционных концептуальных подходов при изучении дифференциации советского общества характеризуется ограниченными возможностями. В обществе, где отсутствуют отношения собственности, экономические категории, применяемые для анализа неравенства (такие как доходы, доля в совокупном богатстве, возможности потребления и др.), требуют специфических интерпретаций, отличных от рыночных коннотаций. Цель статьи — определить ключевые факторы реального социально-экономического неравенства и баланс «идей и идеалов» экономического эгалитаризма и неравенства в доктрине сталинизма и идеологемах хрущевской оттепели. В статье даны объяснения дифференциации в доходах населения. Социально-экономическая основа классического сталинизма интерпретирована как система иерархии статусов. Особенности социально-экономической политики Хрущева представлены сквозь призму эгалитаризма и консюмеризма. Показано место этих идеологем в основном доктринальном документе эпохи — Третьей программе КПСС. Сделан вывод, что в рамках сложившейся системы модель общества потребления вступала в конфликт с традиционной моделью административной экономики и стратифицированным по внеэкономическим основаниям обществом и заведомо проигрывала последней. Дифференциация официальных доходов, демонстрировавшая тенденцию к некоторому снижению, совершенно не означала уменьшения неравенства в потреблении, которое определялось местом в иерархии статусов.

Ключевые слова: *экономическое неравенство, сталинизм, Хрущев, Третья программа КПСС, советская социально-экономическая политика, эгалитаризм, консюмеризм, иерархия статусов*

Анализ экономического неравенства — классическая проблема экономики, но в рамках экономической истории СССР ей не уделяется должного внимания. Между тем эта проблема имеет огромное значение для характеристики типа и особенностей экономических отношений, выявления потенциальных «точек бифуркации» и латентного уровня социальной напряженности. Ретроспективно анализ проблем неравенства значим для понимания причин социально-экономических и политических коллизий, происходивших в стране, а также использования институтами власти тех или иных механизмов нивелирования противоречий. Наконец, проблема неравенства —

один из важных факторов в оценке эффективности реализованной экономической модели.

Цель данной работы — определить ключевые факторы неравенства и баланс «идей и идеалов» экономического эгалитаризма и неравенства в доктринах сталинизма и хрущевской оттепели, а также в представлениях самого Н. С. Хрущева в годы его руководства компартией и страной. Такие факторы рассматриваются и как допущения, и как ограничения при выявлении результативности мероприятий, направленных на снижение дифференциации инструментами социально-экономической политики в годы хрущевского десятилетия. В данной статье анализируется лишь макроуровень проблемы. Сюжеты, относящиеся к территориальной, профессиональной и т. п. дифференциации, а также неравенству в контексте дихотомии «город — деревня», остаются вне поля зрения и представляют особую задачу.

Проблема анализа экономического неравенства в советском обществе совсем не так проста, как могло бы показаться на первый взгляд. Осмелимся предположить, что ее исследование в чисто экономическом аспекте если и возможно, то вряд ли достаточно информативно.

*Водичев Евгений Григорьевич — д.и.н., профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск); профессор кафедры отечественной истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск)
E-mail: vodichev@mail.ru*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00061 «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики “хрущевского десятилетия”» (рук. Е. Т. Артемов)

Исходя из специфики советского режима и особенностей нерыночной экономики в СССР, представляющей собой политико-идеолого-экономический субстрат, использование традиционных концептуальных подходов и соответствующего категориального аппарата не способно обеспечить реального понимания ситуации в сфере неравенства в исторической ретроспективе.

Традиционно при исследовании экономического неравенства изучаются неравенство доходов, неравенство имущества и неравенство потребления.¹ При анализе проблемы обычно используются такие классические инструменты, как медианный доход, коэффициент Джини, децильный коэффициент, квинтильный коэффициент, коэффициент 50/40/10, коэффициент Пальма, индекс Тейла, и др. Между тем, как справедливо отмечается в историографии, проблема неравенства «давно уже вышла за рамки чисто экономического фактора и приобрела серьезный социально-политический аспект. Господствующие в обществе представления о справедливости предопределяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие».²

При введении в область анализа социальных проекций часто выделяются неравенство возможностей, под которым обычно понимается неравенство из-за внешних обстоятельств (социальный статус и образовательный уровень родителей, раса и страна происхождения и т. п.) и остаточное неравенство, возникающее как следствие индивидуальных усилий человека и прочих субъективных факторов. В экономической литературе построены уже ставшие классическими концепты, позволяющие связать уровень экономического неравенства с экономическим развитием, хотя по ряду принципиальных оснований в некоторых случаях они противоречат друг другу (как, например, концепты С. Кузнеца и Т. Пикетти,

представленные аудитории в различное историческое время).³

Большинство имеющихся концептов и теорий хорошо работает при исследовании обычной рыночной экономики и связанной с ней социальной структуры, но дает сбои при попытках ретроспективного анализа советской социально-экономической системы. Проблемы этого, на наш взгляд, скрываются в базовых методологических основаниях. Основные подходы к анализу экономического неравенства разработаны исходя из допущений о наличии экономики рыночного типа, которая базируется на категории собственности и праве частной собственности как отправном понятии экономической деятельности. Все модели анализа советской экономики, независимо от опорного методологического концепта, естественным образом построены на реалиях отсутствия частной собственности на средства производства, а также наличия квазисобственности (личной собственности) на предметы потребления. В обществе, где нет частной собственности и слиты воедино идеологические и политические факторы, определяющие развитие экономики (а не наоборот, как утверждает теория марксизма), принципиально важные для анализа неравенства экономические категории (такие как доходы, доля в совокупном богатстве, возможности потребления и др.) приобретают совершенно иное звучание. «В системе, в которой отношения собственности по владению, распоряжению и использованию разделены, а цены устанавливаются директивно, исходя из политических и иных целей, говорить о распределении богатства и доходов в общепринятом смысле достаточно бессмысленно».⁴

Как известно, коммунистическая доктрина провозглашала всеобщее равенство, а социальное равенство подразумевало и отсутствие выраженной экономической дифференциации. Несмотря на то что этот тезис противоречил тому факту, что в индустриальном обществе уже сама неоднородность общественного труда является объективной предпосылкой экономического неравенства,⁵ именно он был положен в основу советского коммунистического

¹ См.: London Z. G. Measuring inequality. A three-headed hydra // *The Economist*. 2014. 16 July. URL: <https://www.economist.com/free-exchange/2014/07/16/a-three-headed-hydra> (дата обращения: 12.08.2021).

² Анисимова Г. В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // *Terra Economicus*. 2016. Т. 14, № 1. С. 71.

³ См.: Kuznets S. Economic growth and Income inequality // *The American Economic Review*. 1955. Vol. XLV, № 1. P. 1–28; Piketty T. *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA; London, 2014.

⁴ Клисторин В. И. Россия в XX веке. Цена революции // *ЭКО. Всерос. эконом. журнал*. 2017. № 11 (521). С. 41.

⁵ См.: Кронрод Я. А. Производительные силы и общественная собственность. М., 1987.

мифотворчества. «Советская идеология рассматривает СССР как самое меритократическое из всех существующих обществ». Но абстрагироваться от реальности было невозможно. По этой причине идеология «стремилась оправдать существование социального неравенства (пусть и временного) тем, что объективные механизмы, создающие это неравенство, подчинены глобальной задаче по ликвидации сохраняющихся социальных различий в более отдаленном будущем».⁶

Провозглашенный принцип общественной собственности на средства производства сам по себе не подразумевал экономического эгалитаризма: прибавочный продукт оказывался в распоряжении общества, то есть населения в целом, которое в идеале должно было обеспечить его справедливое распределение. Однако *de facto* субъектом, владеющим и распоряжающимся общественной собственностью и произведенным продуктом, становилось государство в лице соответствующих институций. Именно от государства зависела доля продукта, которая могла оказаться в пользовании той или иной части общества. Причем пользование всегда оставалось ограниченным и кондичиональным, то есть его возникновение и прекращение обуславливалось рядом условий (в праве частной собственности же «по умолчанию» интегрировались владение, пользование и распоряжение).

С точки зрения такого параметра экономического неравенства, как неравенство доходов, в СССР децильный коэффициент с начала 1930-х до середины 1950-х гг. составлял от 3 до 5. По проведенным некоторыми экономистами расчетам, доля доходов верхних 1% и 10% населения России действительно резко сократилась с 18% и 47% в 1905 г. до менее 4% и 23% в 1925 г., но затем несколько подросла до 6% и 26% к 1955 г.⁷ В целом же дифференциация статистически учитываемых доходов в условиях классического сталинизма оставалась относительно невысокой.

Однако это были лишь весьма усредненные показатели. Годы формирования сталинской системы привели к некоторому возрастанию

дифференциации доходов. По имеющимся данным, величина богатства, принадлежавшего 1% наиболее обеспеченного населения, с середины 1930-х до середины 1950-х гг. увеличилась с почти 4 до 6%.⁸ Вроде бы незначительный прирост в реальности означал быстрое увеличение возможностей политических элит: происходил процесс фиксации привилегий номенклатуры, численность которой стремительно возрастала. Экстремальные условия Второй мировой войны не только не воспрепятствовали этому, но даже ускорили процесс. Высокие доходы были характерны не только для высшего уровня партийно-государственной бюрократии, но и для узкого круга представителей индустриальной и научно-технической элиты, занятого в решении приоритетных военно-технических и оборонных задач. Такое положение дел полностью соответствовало принципам мобилизационной экономической политики.

Вместе с тем этот базовый для анализа экономического неравенства в традиционных экономиках параметр на самом деле не только не отражает реальной картины, но и существенно искажает ее. Возможности распоряжения имуществом были ограничены даже для тех, кто им обладал, поэтому в полной мере относить его к категории собственности в классическом смысле этого понятия невозможно. К тому же неравенство в СССР носило системный характер. Это позволяет интерпретировать советскую систему как «этакратическую», «социальная дифференциация при которой имела неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии, носила сословно-слоевой характер».⁹

Формальные показатели дохода, конечно, имели определенное значение, но едва ли не более важным был статус человека в иерархии общественных (государственных) институтов. Как справедливо утверждает С. Г. Кордонский, предлагая собственную методологическую платформу для анализа социальной структуры советского общества, «новая огосударствленная социальная структура основывалась на распределительных отношениях, а не на отношениях к средствам производства, полностью национализированным. <...> На советском административном рынке политическая и экономическая реальности составляли единое целое, где все деятельности были иерархизированы. <...>

⁶ Вальдера Хиль Х. М. Легитимация социального неравенства в советской идеологии сталинского периода // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 54, 55.

⁷ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of Economic Research Working Paper. Cambridge, MA. 2017. Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 12.08.2021).

⁸ См.: Там же.

⁹ Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 10.

Экономическое положение членов групп социалистического общества было однозначно связано с их политическим (в специфическом для социализма смысле) статусом. Система политических статусов (социальное происхождение, образование, социальное положение, место жительства и т. п.) задавала экономическое положение гражданина СССР». ¹⁰ Таким образом, неравенство доходов не отражало градиент неравенства в потреблении, тем более что это касалось не только товаров, но и услуг, таких как потребление в системах медицины, образования и трудоустройства. Тот же С. Г. Кордонский отмечает, что в советском обществе «характер потребления определяется социально-учетными параметрами, такими, как прописка и место жительства, должность, занятость в более или менее важной отрасли народного хозяйства». ¹¹

Некоторые другие специалисты, базирующие свои рассуждения на несколько иных методологических платформах, приходят, по сути, к тем же выводам. В качестве примера можно отметить работу экономиста и социолога О. Э. Бессоновой, предлагающей для анализа концепт «раздаточной экономики». Рассуждая о «служебном труде» в советском обществе, она формулирует: «Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, земельные участки для посадок, пионерские лагеря и т. д. Другими словами, это означало, что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование». ¹² Последнее в совокупности как раз и отражало реальное неравенство, в дополнение к неравенству доходов.

Что же касается невысокой дифференциации доходов в обществе в целом, за исключением определенных страт номенклатуры, то это объяснялось рядом обстоятельств не только экономического, но и политико-идеологического характера. В условиях массовой

и ускоренной индустриализации государство отправляло большую долю инвестиций на развитие производства средств производства, максимально зарегулировав потребление. Как считает П. Грегори, при формировании инвестиционных стратегий руководству страны приходилось постоянно балансировать на грани обострения социальных проблем на фоне растущей интенсификации труда. Низкий уровень «справедливой» заработной платы — практически единственного источника доходов населения — нивелировался индоктринацией общества и активным использованием идеологического фактора. Еще в ноябре 1929 г. Сталин объявил СССР «страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации», которая к 1941 г. перегонит США по объемам производства. По сути, рабочим предлагалось смириться с низкой «справедливой» заработной платой «в обмен на обещание светлого будущего». ¹³ Некоторое время такая апелляция к моральным мотивационным аргументам, которые для лидеров производства (стахановцы, победители соцсоревнования и т. п.), естественно, включали в себя и материальный аспект, представлялась вполне работающим инструментом. Для несогласных же имелся механизм репрессий. При этом для ряда социальных страт относительно низкий уровень доходов вполне компенсировался внеэкономическими механизмами обеспечения потребления.

Приход к власти в начале «коллективного руководства», а затем Н. С. Хрущева, XX съезд КПСС и десталинизация не привели к радикальным изменениям фундаментальной экономической основы советского режима. Не изменилась ситуация и в отношении экономического (социально-экономического) неравенства, которое по-прежнему носило системный характер. Более того, в послевоенные годы в советском обществе окончательно закрепились система политических статусов (в интерпретации С. Г. Кордонского) и оно все более тяготело к перерождению в сословно-кастовое общество, что определяло и место в иерархии неравенства.

Тем не менее, как образно подметил П. Грегори, «лошадь и жокей не существуют независимо друг от друга». ¹⁴ Особенности хрущевской социально-экономической политики и его экс-

¹⁰ Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2006. С. 14, 62.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М., 2006. С. 91.

¹³ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 128.

¹⁴ Там же. С. 36.

выравниванию доходов населения. С середины 1950-х гг. начала возрастать минимальная заработная плата, происходило снижение дифференциации в оплате труда низко- и среднеоплачиваемых работников высокооплачиваемых слоев, а также уменьшалось количество низко- и среднеоплачиваемых работников в общей численности занятых на производстве и в непромышленной сфере. В частности, это происходило за счет опережающего роста зарплат рабочих по сравнению с инженерно-техническим персоналом. Если в 1940 г. средняя зарплата инженерно-технических работников (ИТР) была выше заработка рабочего более чем на 100 %, то в середине 1980-х гг. — всего на 10,2 %. При этом только с начала 1950-х до середины 1960-х гг. дифференциация в зарплате сократилась с 1,78 до 1,46 раза.¹⁵

Постоянно происходило сокращение разницы в должностных окладах между специалистами низших и высших категорий инженерно-технических работников и других служащих.¹⁶ Это соответствовало декларированной логике экономического курса Хрущева, но такой способ обеспечения экономического равенства, по мнению многих экспертов, выступал дестимулирующим фактором для развития производства, в особенности когда возникала задача технологического обновления производства на основе достижений научно-технического прогресса.

В итоге доходы 50 % наименее обеспеченных категорий населения в ВВП возросли с середины 1950-х до середины 1960-х гг. приблизительно с 25 до 28 %, а 10 % наиболее обеспеченных — уменьшились с 26 до 22 %. По данным Ф. Новокмета, Т. Пикетти и Г. Зюкмана, это привело к тому, что почти на 2 % (с практически 6 % до 4 %) снизилась условная величина богатства, принадлежавшего 1 % наиболее обеспеченных слоев населения, вернувшись к показателям первой половины 1930-х гг.¹⁷

Представляется, что эксперименты Хрущева в социально-экономической сфере имеют свое объяснение в рамках политики популизма, в которой весомое место занимали представления, близкие к экономическому эгалитаризму. Очевидно, что декларировавшийся эгалитаризм следует рассматривать не иначе как сквозь

призму совокупности идеологием хрущевского времени. В обществе такого рода акценты часто воспринимались как тезисы об уравниловке в потреблении в контексте грядущего богатства. Естественно, что в условиях весьма низких стандартов потребления это обеспечивало подобным идеологемам широкую популярность.

Второй особенностью социально-экономической политики Хрущева, значимой для понимания проблем экономического неравенства, являлся хрущевский консюмеризм, его увлечение экономикой потребления. Попытка соединения в социально-экономической политике Хрущева экономического эгалитаризма, то есть стремления к уравнительному распределению ресурсов и благ как к основному способу устранения противоречий в экономике и обществе, весьма утопическому по своей природе, и консюмеризма, направленного на стимулирование потребления, связанного с полными правами собственности на имущество и контролем над доходами и расходами, выглядела достаточно парадоксально, особенно в условиях непреодоленной структурной бедности в советском обществе. Но таким образом Хрущев лавировал между базовыми идеологическими установками и глобальными трендами в экономике. Высокий уровень жизни на основе социально справедливого и относительного равного, но разумного потребления — так выглядел социальный идеал, который не мог не понравиться обывателю. И он представлялся достижимым за счет быстрого развития экономики на основе технического прогресса и роста производительности труда на фоне всеобщего социального энтузиазма.

Как известно, политика Хрущева вообще и экономическая политика в частности выражалась через озвучиваемую им самим совокупность деклараций, которые были рассчитаны на массовое потребление и имели явно мифологический характер. Идеологемы хрущевского времени касались и экономического эгалитаризма, и консюмеризма. На протяжении почти всех лет его пребывания у власти это подогревало общественные настроения и выступало в качестве мощного морального инструмента для «разогрева» социального энтузиазма, до определенного времени обеспечивая экономическое развитие и интегрируя советское общество. В этом смысле Хрущев шел по стопам своего предшественника. Однако даже в краткосрочной перспективе, не говоря уже о дистанции в несколько лет, и в условиях,

¹⁵ См.: Анисимова Г. В. Указ. соч. С. 67–68.

¹⁶ См.: Капустин Е. И. Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы // Труд и заработная плата в СССР. М., 1974. С. 263.

¹⁷ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. Op. cit.

подчеркнем особо, мирного времени такая политика была чревата большими рисками. Хрущев активно позиционировал СССР как социальное государство, где уровень жизни населения будет постоянно расти, а имеющиеся проблемы по мере продвижения к коммунизму будут нивелироваться. Этими тезисами пронизан основной доктринальный документ эпохи — Третья программа КПСС, а также многочисленные речи и публичные заявления Хрущева.

Экономический эгалитаризм Хрущева невозможно анализировать в отрыве от его базовых мифологем — мифологем о строительстве коммунизма. Декларация того, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», стала наиболее яркой идеологемой хрущевского времени. Этот лозунг обладал огромным потенциалом манипулирования, поскольку открывал для советских людей перспективу первыми построить коммунизм и тем самым указать всему миру пути к жизни в обществе изобилия и социального благоденствия. Обозначение такого будущего в массовом сознании справедливо связывали с именем Хрущева. Он не ставил под сомнение тезис, что «идеи овладевают массами», и в этом смысле он разворачивал и конкретизировал идеологему в понятном для населения направлении, связанном с экономикой и «структурами повседневности». В ходе одной из встреч с народом Хрущев подчеркивал, что «разрабатывается проект новой Программы партии, которую примет XXII съезд КПСС. Это будет не какой-то прогноз, а конкретный план действий по строительству коммунизма в нашей стране».¹⁸

Программа содержала определение коммунизма. Оно имело описательный и весьма размытый характер. Формулировалось, что при коммунизме «все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого — по способностям каждому — по потребностям”».¹⁹ В этом смысле проектировки Хрущева не отличались от более ранних сталинских редакций предвоенных и первых послевоенных лет. Но народу был ближе другой, более лаконичный тезис, прозвучавший в докладе Хрущева: «Чаша коммунизма — это чаша изобилия, она

всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад и каждый из нее черпать».²⁰

В программе КПСС и в экономической политике Хрущева нашли отражение представления и о советском варианте общества потребления.²¹ Программа содержала ряд принципиальных положений социальной политики, которые не могли не быть приняты в обществе иначе как на ура. Например, предполагалось сокращение рабочей недели до 35 часов и увеличение продолжительности отпусков. Предусматривался гигантский рост услуг, получаемых из общественных фондов потребления, таких как бесплатное содержание детей в детсадах, пользование квартирами, коммунальными услугами, транспортом и т. д. В принципе общественные фонды потребления рассматривались как важнейший инструмент обеспечения экономического равенства.

В соответствии с доктринальными установками, в экономической политике появились акценты на «гуманизацию» экономики, стремление поддерживать потребительские настроения в обществе и общественные ожидания, направленные на расширение производства и потребления товаров и услуг. Очевидно, что такой курс, стимулируя внутренний спрос на отечественную продукцию, должен был стать и одним из драйверов ускоренного развития экономики в целом. Хрущевское руководство осознавало объективную необходимость «поворота экономики к человеку», диктуемую задачами модернизации общества и становящуюся залогом его необратимости.²² Многие звучало по-новому, неожиданно и ярко, тем более что подобные новеллы вытекали из сложившейся ко второй половине 1950-х гг. гораздо более высокой открытости страны. Как полагают некоторые из аналитиков, «коммунизм представлялся как американский уровень благосостояния в сочетании с советской политической системой»,²³ и такое мнение имело под собой основания.

²⁰ Доклад Н. С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза» // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1. С. 167.

²¹ См. подробнее: Баканов С. А., Фокин А. А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 420–436.

²² См.: Алексеев В. В., Побережников И. В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 69.

²³ Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. С. 36.

¹⁸ Беседа со знатными людьми Дона в станице Вешенской. 31 августа 1959 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 4. С. 46.

¹⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г.: стеногр. отчет. М., 1962. Т. 3. С. 274.

В частности, в совокупность популярных слоганов вошел тезис о необходимости в течение 10–12 лет «покончить в стране с недостатком в жилищах»,²⁴ став одной из самых успешных идеологием хрущевского времени. Широкую популярность приобрело заявление Н. С. Хрущева о том, что к концу 1965 г. в СССР будут отменены налоги с населения. Оно было высказано еще в ходе XXI съезда КПСС, повторено в речи на сессии Верховного Совета СССР в 1960 г. и в конечном итоге воплощено в Законе «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих» от 7 мая 1960 г., который, однако, не был реализован на практике и после отставки Хрущева оказался предан забвению.²⁵ Подобные примеры многочисленны.

«Надо всемерно использовать наши материальные возможности, чтобы поднять благосостояние народа»,²⁶ — повторял Хрущев. В документах, определявших экономическую политику СССР на перспективу, эту задачу предполагалось решать за счет ускоренного развития тех отраслей промышленности группы «А», которые производят оборудование для потребительских отраслей экономики, а также за счет увеличения выпуска товаров народного потребления на предприятиях тяжелой промышленности.²⁷ В сентябре 1964 г., незадолго до своей отставки, Хрущев заявлял: «...Главная наша задача — удовлетворение потребностей народа, а средства производства нужны для обеспечения развития производства средств потребления. Раньше мы ставили задачу наоборот, а сейчас мы находимся на таком уровне нашей экономики и оборонной промышленности, когда мы имеем возможность поставить на первый план человека, его обслуживание, его нужды и удовлетворение этих нужд».²⁸ Так формировался опре-

деленный компромисс между традиционной экономической ригидностью и актуальными задачами времени, связанными с ростом и выравниванием потребления.

Важно отметить, что несмотря на кажущийся разрыв традиций, многие из тезисов Хрущева опирались на декларации из предшествующей эпохи. В сталинской версии Третьей программы ВКП(б) социальным идеалом также провозглашалось всеобщее равенство, и в идеологическом отношении она мало чем отличалась от хрущевской. Содержание в принципе не менялось, корректировались механизмы социально-экономической политики. В полной мере сохранялась и индоктринация общества. Однако в рамках политики популизма акценты на экономический эгалитаризм, социальное равенство и консюмеризм были сформулированы ярче и доходчивей. В отличие от установок сталинского времени на «затягивание поясов», они обретали широкую популярность в обществе.

Таким образом, представления об экономическом равенстве времен Хрущева были полны внутренних противоречий. Зачастую под идеалом понималась уравниловка, принципиально недостижимая в обществе с развитой экономикой. Проблема всегда заключается в интерпретации оснований для неравенства и факторов дифференциации доходов и потребления. К тому же при реализации на практике подобные эгалитаристские тренды чреваты рисками снижения эффективности производства. При Хрущеве в обеспечении социального равенства основные акценты расставлялись на опережающее развитие общественных фондов потребления. Этим предполагалось обеспечить дальнейшую «социальность» социалистического государства. Однако хрущевский консюмеризм, политика стимулирования потребления, на глубинном уровне стимулировали развитие чувства частной собственности и права владения и распоряжения имуществом. Это вступало в фундаментальное противоречие с господствующей в государстве идеологией и реальной практикой потребления и распоряжения имуществом на основе статуса в иерархизированной бюрократической системе. Справедливо отмечается, что «в планах советский человек оказывался не субъектом, а объектом. За него решалось, в каких жилищных условиях он должен жить, сколько есть фруктов и картофеля, сколько одежды и обуви у него должно было быть в гардеробе. Естественно,

²⁴ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». 31 июля 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 198.

²⁵ См.: Жирнов Е. «Существование налогов с населения не вызывается необходимостью» // Коммерсантъ Власть. 2010. № 18. С. 64. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1361006> (дата обращения: 12.08.2021).

²⁶ Освоение целины — большой вклад в развитие советской экономики. Беседа с английским ученым и общественным деятелем Джоном Берналом. 25 сентября 1954 г. // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1. С. 360.

²⁷ См.: Доклад Н. С. Хрущева «О Программе коммунистической партии Советского Союза»...

²⁸ «Мы находимся на рубеже или славы, или позора». Замечания тов. Н. С. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 24 сентября 1964 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6 (66). С. 184.

все это обосновывалось научными данными и экспертными заключениями. Человек оказывался не принадлежащим себе и при этом максимально рационализированным».²⁹

К тому же очень скоро выяснилось, что идеологемы, воплощенные в лозунгах и призывах, не смогли заместить собой конкретные инструменты решения накопившихся проблем. Доказано, что «преувеличение значения достигнутых... экономических результатов... создало условия для проведения во второй половине 50-х гг. мероприятий по повышению уровня жизни, которые по своим масштабам не были адекватными возможностям развития экономики при сохраняющейся ее неэффективности».³⁰ Трудности и противоречия повседневного бытия, в понимании стандартов которых к середине 1960-х гг. советские люди существенно продвинулись вперед, также оборачивались недовольством, возникшим на фоне разительного расхождения между теорией и практикой. Идеологемы Хрущева, формирующие векторы социально-экономической политики, жестко сталкивались с реалиями. В рамках сложившейся системы, изменить которую Хрущев оказался не в силах, модель общества потребления вступала в конфликт с традиционной для СССР моделью военизированной экономики и стратифицированным по внеэкономическим основаниям обществом и заведомо проигрывала последней.

Формально дифференциация статистически учитываемых доходов с середины 1950-х гг. демонстрировала тенденцию к некоторому

снижению, но это совершенно не означало уменьшения дифференциации в контроле над имуществом и в потреблении, которое в полной мере определялось местом в иерархии статусов. Соответственно, сокращения социально-экономического неравенства, вопреки провозглашенному политическому курсу, не происходило. Некоторое снижение с середины 1950-х гг. дифференциации доходов можно объяснить определенным ростом среднего класса «по-советски», происходившим на фоне постепенного нарастания дефицита потребительских товаров и развития теневого сектора экономики. Вместе с тем цифры официальной статистики становились все более «лукавыми». С одной стороны, увеличивался разрыв в товарном наполнении зарплатного рубля у рядовых работников и членов различных привилегированных страт населения, обладающих альтернативными (как легальными, так и нелегальными) возможностями доступа к товарам и услугам. С другой стороны, для высших слоев общества отношения владения, распоряжения и пользования имуществом (которое все еще формально не являлось частной собственностью) постепенно начинают сближаться.³¹ Декларированный курс на экономическое равенство при неизбежности социальной системы на практике приводил лишь к росту неравенства. Неудивительно, что подобные противоречия сделали невозможным достижение широко анонсированных результатов в социально-экономической сфере, отразившись и на политической судьбе лидера страны.

Evgeny G. Vodichev

Doctor of Historical Sciences, professor, Novosibirsk State Technical University; National Research Tomsk State University (Russia, Novosibirsk; Tomsk)
E-mail: vodichev@mail.ru

ECONOMIC INEQUALITY AND SOVIET EGALITARIANISM: THE IDEAS AND IDEALS FROM STALIN TO KHRUSHCHEV

The problem of economic inequality is of great importance for understanding the causes of socio-economic and political collisions in society. At the same time, the use of traditional conceptual approaches in the study of the differentiation of Soviet society has just limited possibilities. In a society where property relations are absent, economic categories used to analyze inequality (such as income, share in total wealth, consumption opportunities, etc.) require specific interpretations that differ from their market connotations. The paper aims at determining the key factors of real socio-economic inequality and the balance of “the ideas and ideals” of economic egalitarianism and inequality in the doctrine of Stalinism and in the ideologemes of the “Khrushchev Thaw”. It explains differentiation in the income of the population. The socio-economic basis of “classical Stalinism” is interpreted as a system of status hierarchy. The specifics of Khrushchev’s socio-economic policy are presented through the prism of egalitarianism and consumerism. The place of

²⁹ Баканов С. А., Фокин А. А. Указ. соч. С. 433.

³⁰ Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 190.

³¹ См.: Клисторин В. И. Указ. соч. С. 41.

these ideologemes in the main doctrinal document of the era — the 3rd programme of the CPSU — is shown as well. It is concluded that within the framework of the existing system, the model of “consumer society” came into conflict with the traditional model of administrative economy and society stratified on non-economic grounds, and obviously lost to the latter. Differentiation of income, which demonstrated a decreasing trend, did not mean at all a decrease in inequality in consumption, which was determined by the place in the hierarchy of status.

Keywords: *economic inequality, Stalinism, Khrushchev, 3rd CPSU programme, Soviet socio-economic policy, egalitarianism, consumerism, hierarchy of statuses*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Poberezhnikov I. V. [Waves of Russian modernizations]. *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [Experience of Russian modernizations of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2000, pp. 50–72. (in Russ.).
- Anisimova G. V. [Methodological aspects of the analysis of economic inequality: the Soviet and Post-Soviet problems]. *Terra Economicus*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 61–77. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-61-77 (in Russ.).
- Bakanov S. A., Fokin A. A. [“And under communism everything will be...”: how the planning agencies of the USSR saw the nation’s wealth by 1980]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia], 2019, vol. 9, no. 2, pp. 420–436. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.208 (in Russ.).
- Bessonova O. E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: Evolyutsiya cherez transformatsii* [Russia’s Distribution Economy: Evolution through transformations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Fokin A. A. “Kommunizm ne za gorami”. *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* [“Communism is not far off”. The images of the future among the power and population of the USSR at the turn of the 1950s–1960s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017. (in Russ.).
- Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. (in Russ.).
- Kapustin E. I. [Tariff system and its role in the organization and regulation of wages]. *Trud i zarabotnaya plata v SSSR* [Labor and wages in the USSR]. Moscow: Ekonomika Publ., 1974, pp. 247–273. (in Russ.).
- Khanin G. I. *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Dynamics of economic development of the USSR]. Novosibirsk: NGU Publ., 1991. (in Russ.).
- Klistorin V. I. [Russia in the XX century. A price of the revolution]. *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO Journal], 2017, no. 11 (521), pp. 37–46. (in Russ.).
- Kordonsky S. *Rynki vlasti. Administrativnyye rynki SSSR i Rossii* [Markets of power. Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI Publ., 2006. (in Russ.).
- Kronrod Ya. A. *Proizvoditelnye sily i obshchestvennaya sobstvennost* [Productive forces and public ownership]. Moscow: Nauka Publ., 1987. (in Russ.).
- Kuznets S. Economic growth and Income inequality. *The American Economic Review*, 1955, vol. XLV, no. 1, pp. 1–28. (in English).
- London Z.G. Measuring inequality. A three-headed hydra. *The Economist*, 16 July 2014. Available at: <https://www.economist.com/free-exchange/2014/07/16/a-three-headed-hydra> (accessed: 12.08.2021). (in English).
- Novokmet F, Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of Economic Research Working Paper*. Cambridge, MA, 2017, Aug. Available at: <http://www.nber.org/papers/w23712> (accessed: 12.08.2021). (in English).
- Piketty T. *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2014. (in English).
- Shkaratan O. I. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real’nost’* [Sociology of inequality. Theory and reality]. Moscow: “Vysshaya shkola ekonomiki” Publ., 2012. (in Russ.).
- Valdera Gil J. M. [The legitimation of social inequality in Soviet ideology during the Stalin Era]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 2015, vol. 24, no. 4, pp. 29–59. (in Russ.).
- Zhirnov E. [“The existence of taxes from the population is not necessary”]. *Kommersant Vlast’* [Kommersant Power], 2010, no. 18, 10.05.2010, p. 64. (in Russ.).

Для цитирования: Водичев Е. Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71.

For citation: Vodichev E. G. Economic inequality and Soviet egalitarianism: the ideas and ideals from Stalin to Khrushchev // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71.